

Алла Сурикова

*О жизни
в кино,
о кино
в жизни...*

автобиография

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

Много лет назад, почти 20, я написала книгу «Любовь со второго взгляда». Сейчас я представляю читателям новую: «О жизни в кино, о кино в жизни». Хотя нет, не совсем новую. Эта как бы продолжение той.

Когда я начинала писать «Любовь со второго взгляда», герои моей книги — актеры, друзья, коллеги — были полны энергии и задора. Сегодня многих из них нет с нами. Но я оставляю главы прежней книги такими, как написала тогда. Не поднимается рука написать о них «были». Они есть! В фильмах, которые идут и сегодня. Караченцов, Табаков, Гундарева, Юрский, Джигарханян, Куравлёв, Абдулов, Софико Чиаурели, Саша Яковлева, Виталий Соломин, Ролан Быков... Список длинный. Их талант с нами!

О ЖИЗНИ В КИНО, О КИНО В ЖИЗНИ

Кино — волшебная отравка.

Мне удалось ее вкусить

И протянуть надежды нить

От «Нахрена?!» до «Браво-Браво!»

АВТОПОРТРЕТ. ИСПОВЕДЬ ДОЧЕРИ ВЕКА

Вместо вступления

Блиц-интервью из разных источников:

— Как одной фразой вы бы определили ваше кино?

Улыбчивое кино с человеческим лицом.

— Что вы цените больше всего в мужчинах?

Чувство юмора и щедрость.

— А в женщинах?

Незлобивость и чувство юмора.

— А в актерах?

Конечно, талант. А еще — умение слышать и слушать.

— Если будете снимать ужастик, кого пригласите на главную роль?

Себя.

— В кино сегодня пришло много женщин. Почему? Ведь слово «режиссер» не имеет женского рода?

Женщина — это тот же мужчина. Только лучше.

— Если на вас будет бежать толпа?

Постараюсь перенаправить ее в другую сторону. Или рассмешить.

— О чем более всего сожалеете?

Что нет у меня музыкального образования.

— А если надо показать актеру как спеть?

Музыкальность на время просыпается.

— Если бы вы обладали суперспособностью, чтобы это было?

Прыжки в высоту на 20 метров.

— Зачем?

Чтоб страна послала меня за медалями на международные соревнования по прыжкам в высоту.

— У вас не хватает наград?

Хватает, но за спортивные достижения нет и уже никогда не будет.

— Какие награды вы особенно цените?

Недавно получила от Режиссерской гильдии приз из красивого металла

— мужичок с бородой смотрит в небо, а под рукой у него крыло. Я тоже смотрю в небо. И в переводе с латинского мое имя означает «крыло».

— Вы снимаете комедии. Не хотите снять серьезное кино?

Одного пьющего режиссера попросили: «Леня, брось водку». Он ответил: «Бросил бы. Не на кого». Вот и я потому не бросаю комедии.

— Чего вам не хватает, чтоб чувствовать себя счастливой?

Денег и времени. Чтоб спродюсировать все мои идеи. А также ездить по мирному миру, любить, есть мороженое, снимать комедии.

Комедиограф

Когда-то я получила письмо. Цитирую — орфография и пунктуация автора сохранены. «В моих комедиях которые я пишу есть все требующие для комедий качества. Это простота и легкость, а главное юмар. Это не моя точка зрения, а специалистов. . . » К письму прилагалась фотография. Очень был похож на Лёню Голубкова из рекламы «МММ». Вот это уверенность! Это мастерство! И захочешь так написать, а не напишешь! Вот такие «авторы» рвутся в кино. Уверенные и «жутко образованные». И в режиссуре тоже. . .

Мне подарили кредо одного «коллеги»: «Главное — срубить бабло. А если еще кинцо сварганится — это уже бонус». И где-то он прав. Автор написал, Артист произнес. А режиссер. . . А режиссер только «мотор!» да «стоп!». Моему среднему внуку Коле было лет пять, когда его спросили, кем он хочет быть. Ответил:

— Режиссером. Режиссер (он) сидит на стуле, качается. А все бегают вокруг него и кланяются, кланяются.

А Ваня, десяти лет, добавил:

— Режиссер не должен зубрить таблицу умножения, за него это должны делать другие. Он должен только уметь громко говорить: «Мотор!», а потом — «Стоп!»

У меня была одна сокурсница по Высшим режиссерским курсам. С. А. Ей было за сорок. А она хвасталась, что еще девица и что если отдаст свою

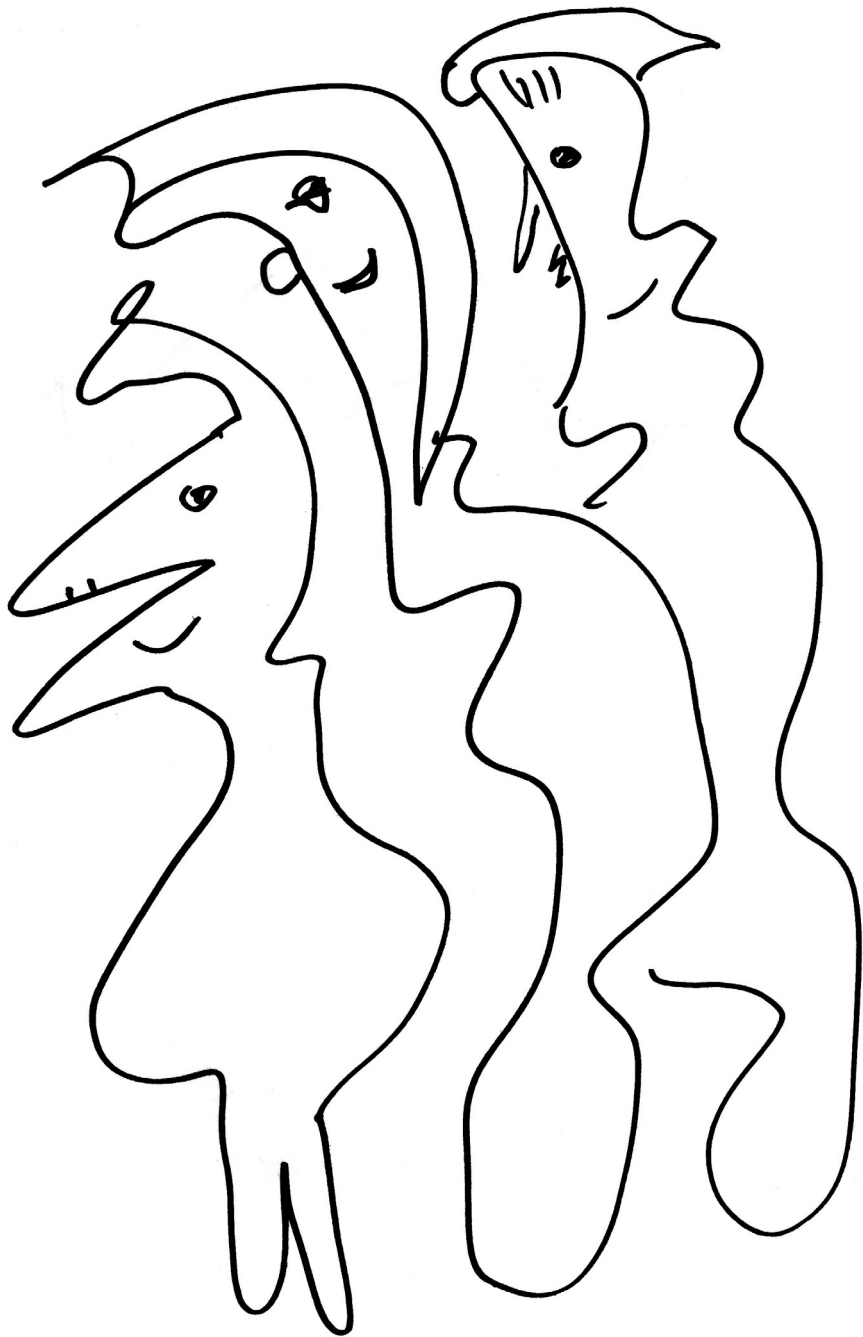
невинность, то только Первому секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу. Но он так и не попросил...

Когда она снимала свой дипломный фильм, мы, ее сокурсники, напутствовали: только «не мельтеши» перед камерой: автор написал, оператор снял. Артисты всё сказали. Но она не удержалась. Намельтешила. И когда я по ее просьбе смотрела материал на монтажном столе, вдруг увидела, как ее героиня артикулирует свое отношение к режиссеру — без звука — на крупном плане: «Иди на х...». Этот план в фильм не вошел: переозвучить его другими словами так и не удалось. А хороший был план. Крупный. Выразительный. Эмоциональный!

Я работаю легко. Стараюсь, чтобы актерам было интересно, импровизационно и комфортно, — комедия же! Лицо актера в кадре. Группе, конечно, иногда достается. («Засада!» — кричит иногда кто-то из нашкодивших и убегает с глаз моих долой, чтоб отсидеться в безопасном месте.) Но все же я стараюсь быть и для группы «белой и пушистой». Говорят, иногда получается. Комедию же снимаем.

Смех — лекарство. Пугать — тьма охотников. Пугать легче гораздо, чем смешить. Да и «пугание» — оно как бы ближе к плохим сторонам жизни, которые всегда почитаются критиками за более «настоящую» правду, нежели смешное. А зрители хотят смеяться. Смех снимает агрессию. Фрейд одним из первых об этом писал. И я это знаю лучше других, потому что много лет проводила фестиваль комедии под лучистым названием «Улыбнись, Россия!», так как всю свою кинематографическую жизнь верой и правдой служу ее величеству Комедии.

Сегодняшние исследования в кардиологических центрах Японии и США показали: смех — лучшее лекарство от стрессов, от сердечно-сосудистых и нервных заболеваний. Мы живем в сложное время: войны, катаклизмы, агрессия. Сегодня как никогда комедия нужна зрителю. Ответственно утверждаю: лучше показывать голую задницу, чем по ней стрелять.

КИЕВ. РОДИТЕЛИ

Я родилась 6 ноября в полдень.

По гороскопу я Скорпион в расцвете. Говорят, это знак волевого, сильного человека, склонного, однако, к самоедству. Соответствую ли я этим качествам, судить не мне. Со стороны виднее. Однако пожевать себя люблю.

Родители назвали меня Аллой в честь маминой подруги, летчицы. Летчицей я не стала, но профессию выбрала не менее опасную. По данным «Курьера Юнеско», по степени риска профессия режиссера на втором месте после летчика-испытателя.

Кино — это такой безумный темпоритм. Оглянуться некогда. Кто-то где-то стреляет. Кто-то женится. Кто-то уезжает. Некогда узнать. Только кино. 24 часа в сутки. Закончил картину. Отдышался. Небо синее. Птицы поют. Ну, думаешь, сейчас посмотрю, что тут и как, новую идейку подхвачу и...

А жизнь уже прошла.

У всех жизнь проходит быстро. А у кинорежиссеров еще быстрее.

Киев. Развалины. Доска почета

После войны на площади Калинина вешали немцев. Мы бегали смотреть. Во время казни пленных немцев люди падали в обморок. А мы вытягивали

шеи из-за спин взрослых. Детское любопытство? Непонимание? Жестокость? Чувство мести? «Пацаны, давайте два на два в войну играть» — главная игра у мальчишек.

Наш дом уцелел, но рядом три дома были полностью разрушены. Через развалины мы ходили в школу. Родители запрещали. Но в обход было намного дольше. А развалины — и быстрее, и страшнее, и романтичнее. Мы мечтали увидеть настоящего шпиона (время было такое — шпиономания!). А попадались нам извращенцы, которые размахивали своими пиписьками. Мы визжали и в ужасе скатывались вниз.

Развалины закрывала Доска почета. За этой доской мы прятались, строили замки и справляли нужду — домой бегать было некогда. Пока однажды нас там не застучал в самое неподходящее время какой-то функциональный дядька. Сдала нас тетка Валя. Дядька, прихватив меня покрепче, едва я успела натянуть трусики, явился к моим родителям: «Ваша дытына сцыть на гордисть и красу нашего миста». Папа жутко покраснел и, заикаясь, сказал, что «она больше не будет вообще никогда и нигде». А мама — она была хохотушкой — уткнулась в папино плечо и еле сдерживала смех. Мне, конечно, попало. А бабушка по прозвищу Карл Маркс потом тихо сказала: «На этой доске висят фотографии одних сволочей. Пусть ребенок писает».

И мы продолжали писать, но уже не за Доской почета. Нашли другое место. На первом этаже двухэтажного дома было какое-то домкомовское бюро. Там работала тетка Валя, которая настучала на нас тому дядьке. Мы залезли поздно вечером через окно и написали им в чернильницы-непроливайки. И затихли, ожидая взрыва на следующий день. Но он прогремел раньше. И не по нашей милости. Там, в этом доме, оказывается, была заложена бомба. Еще с войны. Могли, конечно, попасть под нее и мы. Но мы закончили свое «взрывное» дело вечером. А взрыв прогремел ночью. Видимо, кто-то из девчонок «писал керосином»...

8¹/₂¹

Наша квартира была аж в три комнаты и кухня с антресолюю. Мы — мама, папа и я — жили в самой маленькой, 8 с половиной метров. Восемь

¹«8 с половиной недель» – фильм 1963 года итальянского режиссера Федерико Феллини *Прим. ред.*

с половиной. Почти по Феллини. (Не зря через много лет Гриша Беленький, оператор, будет нежно поддразнивать меня: Алла Феллинична. А в Италии, куда мы поедem на Дни «Мосфильма», моя неосторожная шутивая реплика превратилась в заголовок статьи в итальянской газете: «Она называет себя дочерью Феллини».)

Атмосфера в семье была добрая и смешливая: музыка, песни, анекдоты. Много шуток и смеха. Улыбка была украшением фамильного герба. Нет, конечно, бывали и ссорочки, и конфликтики. Да и как было их избежать, если в небольшой трехкомнатной квартире — мы с мамой и папой, бабушка у окна, тихий дедушка возле печки, папина сестра Рита, у которой муж погиб в Бабьем Яру, и прехорошенькая дочка Лиля — она всегда танцевала у зеркала, мечтая стать балериной. В третьей комнате — бабушкина сестра с сыном, невесткой и их ребенком Гришаней. Иногда Риточка садилась за старенькое пианино и напевала одну и ту же песенку: «Ты все та же, моя нежная, в этом синем платьице...». Она была милая, но замуж больше не вышла. «Огня в ней нет», — сказал маленький страшенький муж одной из бабушкиных сестер, который, по подслушанным разговорам, «имел весь Подол (район в Киеве)», задирая подола. У него всегда были деньги. Он работал метизником² в маленьком магазинчике, деньги прятал в подушки, на которых спал. А напившись, весело разбрасывал скомканные купюры.

Икра с икрой

Мы часами, сменяя друг друга, выстаивали в очередях за маслом, сахаром, мукой... «Муку дают!» — и с шести утра кто-то из семьи уже «танцевал» в подворотне у магазина. В то время как полки этого самого магазина были забиты крабами и икрой. Эта черная паюсная икра казалась мне тогда такой противной. Я болела плевритом, и меня закармливали ею в лечебных целях.

Недавно пошла на рынок. Очень захотелось черной и именно паюсной. «Жаба» села на грудь, стала душить. Но я самоотверженно достала смятые красные купюрищи. А вот есть ее было невозможно. Голенища сапог. Даже жгучие слезы моей «жабы» не смогли ее размягчить. Сухая, жесткая. Другое дело было в Темрюке, куда меня привезла как-то Лидочка Шукшина. Нам выставили

² Метизник происходит от слова «метиз», которым обозначали крепёжные изделия (болты, гайки, шурупы и др.) и обозначает человека, который работает с метизами, например, изготавливает или продает. Прим. ред.

бадью с черной икрой, бадью с паюсной, блины с осетровой икрой, блины с белужьей... Я дорвалась — и надорвалась... Шею сковало так, что она не поворачивалась даже на рюмку чая (мне сказали: «белковый удар от съеденной икры»).

Карл Маркс

Эпицентром всего была моя бабушка Карл Маркс — так ее прозвали за большую, умную, светлую голову. Однажды бабушка серьезно заболела. Заслуженный доктор Примак вынес свой вердикт: «50 граммов черного хлеба и чего-нибудь смешного». Мы все очень любили нашего Карла Маркса и бросились ее лечить: собирали для нее анекдоты, пели «гоп-стоп — бабушка здорова, гоп-стоп — кушает компот...». Развлекали бабушку день и ночь. И она выздоровела. С тех самых пор я твердо уверовала: смешное лечит. И объединяет.

Люди, смеющиеся над одним и тем же, ощущают свою общность. Мир уцелел, потому что смеялся.

Когда согласия на планете нет,

Вражда и злоба как знамена реют,

Одной надежды лучезарный свет:

Улыбка, смех — они весь мир согреют.

Первые стихоплетения

Когда меня приняли в пионеры, я задыхалась от всеобщего пионерского счастья.

Может, в колхоз агрономом пойти,

Рожь и пшеницу растить?!

Может, в мазуте мне счастье найти,

Трактор по полю водить?!

«Всеобщее пионерское счастье» не мешало мне петь «хулиганские» песенки, которые завозили в наш дом мои родственники — замечательные одесские

актеры Яков Заславский и Леонид Ясиновский, — про то, «шо вся Одесса-мама пересполнэта з ворами». Эти песенки я напела коллегам по четвертому классу, они напели своим родителям, родители напели директору школы, директор, в свою очередь, напел моим родителям — круг замкнулся. Меня решили исключить из школы. Что пели в ответ мои родители, я только могла догадываться. Но они меня отстояли.

Глаза с «волокитой» и «мечта генерала»

Папа работал в институте киноинженеров. У него были длиннющие прямые ресницы и синие глаза с поволокой. Мама говорила «с волокитой». Глаза всегда улыбались. А длинные ресницы взмахивали так затейливо, что тетя Маня говорила: ни одна женщина не могла устоять перед этим «дуновением».

А мама — такая «мечта генерала» — с тонкой талией и обворожительной кокетливой улыбкой. Оба воевали. Мама — врачом в поезде-госпитале. Папа всю войну — радистом. У меня хранятся письма с фронта. Сколько нежности, любви и веры!

Они обладали замечательным чувством юмора и все ситуации дома решали с помощью улыбки, юмора, смеха. Маме никогда не удавалось выйти на какой-то конфликт, потому что отец все сводил к шутке. Они всегда старались идти по солнечной стороне жизни.

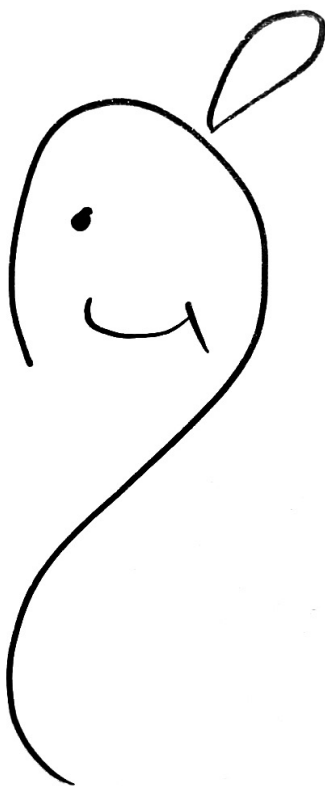
Мне с родителями сильно повезло. Когда я училась на режиссера, они помогали мне растить дочь. Потом секретарствовали во многих моих делах: оплатить, договориться, узнать... Отец иногда в шутку спрашивал: «Ну вот что ты будешь делать, если мы вдруг соберемся ТУДА?» — он показывал вверх, в неопределенность. Я терялась — пожалуйста, не делайте этого! Без вас я все перепутаю: и дела, и собственную жизнь.

Это из их поздравительной открытки ко дню рождения:

«К выполнению сложных творческих задач "самого важного из всех искусств" — будь готова! А мы всегда готовы (пока еще) в меру своих скромных возможностей оказывать тебе в этом содействие!»

Я не снимала кино, которое они бы не приняли. Однажды было собралась снять фильм, где главными действующими лицами были Ельцин, Горбачёв и немой офицер, но мама прочла пьесу и сказала: «Не советую. Ты никогда не играла в политические игры и не надо». Я ее не слушалась. Сейчас понимаю: она была права.

Мама родилась в Луганске. Окончила фельдшерскую школу в Конотопе. Я написала маленькую полудокументальную повесть о своем детстве — «Конотоп». Вот пара отрывков из нее.

◀ Автопортрет

КОНОТОП

Детство до школы я провела в Конотопе у других баб-дедки Елены и Бориса. С подругами.

Райка

У Райки мама была почтальоном. У нее сбоку на животе висела большая темная сумка с почтой, на голове — синяя косынка в белую крапинку. Из-под синей юбки выглядывали худые ноги в синих жилистых разводах. Райка и мама были очень бедные, но очень чистенькие. Райке мама сказала: «Для того чтобы, когда вырастешь, у тебя были красивые ноги, их надо каждый день мыть». И Райка верила. Она мыла свои ноги везде и всегда. А уж когда домой приходила, сбрасывала сандалики у домотканого коврика, прыгала в тазик с водой и драила свои ноги, как матрос палубу — щеткой и хозяйственным мылом.

Райка и вправду выросла длинноногой стройной светловолосой девицей, на которую рано стали заглядываться мужики. Чистюля Райка ждала принца. Но не дождалась. Однажды, когда она сидела в своих мечтах на завалинке, лузгая семечки, к ней подсел сильно выпивший парень в потертой гимнастерке. От него несло потом. А Райка ненавидела вонючих и немьтых. Вонючий работал в тюрьме и нахально полез к ней под юбку. Она сильно саданула его в пах своей красивой ногой, а потом еще для верности со всего размаху стукнула